

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОМУ ВОЕННОМУ ДИСКУРСУ

М.А. Шевченко, С.С. Загайнов, П.Д. Митчелл

Аннотация. Рассматривается роль военного дискурса в контексте иноязычного образования. Поднимается вопрос о необходимости создания специальной методики подготовки военных переводчиков на базе гражданских вузов. Изучаются и сравниваются различные подходы к определению дискурса. Рассматривается вопрос соотношения понятий «дискурс» и «текст», устанавливаются характеристики и взаимосвязь данных понятий. Вводится определение языковой личности военного переводчика, описываются связь и характеристики речевого портрета и языковой личности военного переводчика в целях лучшего понимания процессов, стоящих за формированием профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика, и, следовательно, усовершенствования методических техник преподавания. Обосновывается ключевая роль институционального дискурса в становлении языковой личности военного переводчика. Изучаются характеристики военного институционального дискурса в контексте формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Делается вывод о том, что военный дискурс представляет собой один из наиболее характерных типов институционального дискурса, обладающий всеми основными свойствами формализованности, институциональности и ритуальности. Доказывается необходимость фокусирования процесса обучения военных переводчиков на формировании профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика в качестве основной при выполнении профессиональной деятельности. Отмечается необходимость постановки акцента не на логику организации учебного материала, но на логику модуля действий самих обучающихся в целях повышения мотивированности и более глубокого погружения в изучаемую дискурсивную среду. Таким образом, успешная реализация обучающимся всех аспектов овладения военным дискурсом будет составлять профессиональную иноязычную коммуникативную компетенцию военного переводчика, что является одной из важнейших составляющих компетентности специалиста в области лингвистического обеспечения военной деятельности.

Ключевые слова: военный перевод; институциональный военный дискурс; речевой портрет; языковая личность; компетентностный подход; профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция.

Введение

На сегодняшний день, ввиду постоянного изменения геополитической обстановки, возникновения новых военных угроз и непрерывного развития международного военного сотрудничества, одной из важнейших задач военного образования становится подготовка большого числа специалистов по военно-учетной специальности «Лингвистиче-

ское обеспечение военной деятельности». В связи с ограниченными возможностями военных высших учебных заведений и особенностями экономической обстановки в стране, важную роль в выполнении данной задачи берут на себя военные учебные центры при федеральных образовательных учреждениях высшего образования. В то же время, согласно существующим квалификационным требованиям, военный переводчик – выпускник гражданского вуза должен обладать теми же компетенциями, что и выпускник военного вуза. Реализация данной цели становится трудновыполнимой в связи с меньшим количеством времени, отводимого на военную подготовку, и, что более важно, невозможностью полного погружения обучающихся гражданских вузов в военные реалии.

В то же время общепризнанным является тот факт, что обучение иностранным языкам невозможно без одновременного обучения иноязычному дискурсу с целью усовершенствования первичного уровня владения иностранным языком, приобретенного на предшествующей ступени образования, и овладения обучающимися иноязычной коммуникативной компетенцией на уровне, достаточном для решения профессиональных социально-коммуникативных задач при общении с носителями языка, а также для дальнейшего самообразования.

Вместе с этим на современном этапе методы и способы обучения военному профессиональному дискурсу (в том числе иноязычному) изучены в недостаточной степени, в особенности в случае гражданских вузов, поскольку подобная практика представляет собой относительно новое явление в системе военного образования Российской Федерации. Как было отмечено выше, основная сложность подобной системы обучения заключается в необходимости обучить военному дискурсу только при помощи программы военной подготовки, без полного погружения в военные реалии, невозможного в условиях гражданского вуза.

Таким образом, чрезвычайно актуальным становится вопрос создания научно обоснованной и экспериментально опробованной методики обучения иноязычному профессиональному военному дискурсу студентов гражданских вузов, проходящих военную подготовку. Ввиду специфики выполняемых подобными специалистами задач, данный вопрос требует детального рассмотрения понятий «дискурс» и «военный дискурс» как основного элемента иноязычной профессиональной компетенции.

Понятие дискурса

Необходимость более глубокого понимания механизмов человеческой коммуникации, в особенности вербальной интеракции, привела к повышенному исследовательскому интересу специалистов в различ-

ных дисциплинах, в первую очередь гуманитарных, к дискурс-анализу [1, 2].

С появлением понятия «дискурс» изменилось и привычное понимание речи, диалога, текста, стиля и в какой-то степени – языка. Первый аспект дискурса описывает его как речь, помещенную в коммуникативный контекст, что, следовательно, делает его категорией с более эксплицитным социальным смыслом, чем индивидуальная речевая деятельность. Как выразилась Н.Д. Арутюнова, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [3]. Второй аспект дискурса затрагивает его практическую сторону и связан с исследованием законов и правил циркуляции информации через речевые акты в пределах коммуникативной ситуации. Для дискурса при этом характерна динамичность, которая является различием между ним и статическим текстом.

М.Л. Макаров отмечает, что объектом интереса ученых-лингвистов является не собственно дискурс, а его типология, определяемая целым комплексом различных характеристик, среди которых можно выделить как собственно лингвистические и стилистические особенности, так и экстралингвистические: тематика, личность говорящего, контекст и т.д. [4].

В своих работах В.З. Демьянков дал следующее понятие дискурса: «Discourse – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда он концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса» [5. С. 116].

Если говорить о дефиниции дискурса, то его можно определить как некий коммуникативный акт, происходящий между источником и рецептором в конкретном пространственно-временном, социальном и ином контексте и несущий в себе информацию об участниках коммуникации и о процессе порождения и восприятия сообщения; данный коммуникативный акт может иметь различные формы и происходит с или без использования невербальных методов общения.

Дискурс некоторыми исследователями также характеризуется как система текстов со своими законами существования, разрушения и участия в коммуникации. Современная теория коммуникации зачастую прибегает к философской модели М.М. Бахтина, которая описывает процесс общения как коммуникацию особого смыслового типа, превосходящую реальный диалог. Концепция Бахтина подразумевает такую модель коммуникации, которая может существовать при пространственно-временных различиях между коммуникантами и необходимым

условием которой является так называемая смысловая конвергенция, заключающаяся в наличии ответного понимания со стороны рецептора и внутренней солидарности между коммуникантами. Модель М.М. Бахтина принимает высказывание в качестве единицы диалогических отношений, которые выражаются в речи. Существует разница между высказыванием и предложением как единицами языка, заключающаяся в том, что границы высказывания служат для обозначения смены говорящих и речевых субъектов [6]. Отношения, оформляющие высказывание, имеют «внелингвистический», диалогический характер [7]. Таким образом, в ходе обучения иноязычному дискурсу представляется должным уделять серьезное внимание созданию адекватного высказывания.

В данной работе представляется необходимым остановиться на изучении иноязычного профессионального дискурса в качестве основы коммуникативного поведения в пределах конкретной профессиональной деятельности. Дискурс отличается от текста способностью реализовывать конкретные коммуникативные намерения в рамках конкретной коммуникативной ситуации и относительно конкретного партнера, представляющего культуру, которая выражается средствами языкового и неязыкового характера, применение которых обусловлено в той или иной ситуации. В работах таких исследователей, как В.З. Демьянков [4] и М.Л. Макаров [5], обозначаются следующие свойства дискурса:

- ситуативная обусловленность, связанная с тем, что дискурс осуществляется в определенной ситуации, свойственной для той или иной сферы общения;

- тематическая связность и обусловленность, продиктованные раскрытием содержательных компонентов дискурса в рамках конкретной темы;

- социальная направленность, определяемая социальным статусом коммуникантов дискурса;

- динамичный характер, связанный с возможностью изменять тональность и тему дискурса в пределах коммуникативной ситуации;

- неоднородный структурный характер и отсутствие определенных границ.

В связи с тем, что дискурс понимается как результат речевой деятельности, характеризующийся при этом большей степенью обусловленности экстралингвистическими факторами (контекстом коммуникации и условиями общения) и творческой составляющей, то само понятие текста в данном случае расширяется.

Представляется очевидным тот факт, что иноязычное образование в современной его форме не может быть ограничено рамками одного лишь понятия иноязычного текста в роли базы обучения общению на иностранном языке, так как данное понятие не способно раскрыть все

характеристики речевых произведений. Обучение иноязычному профессиональному дискурсу в рамках практики преподавания иностранного языка обладает следующими преимуществами:

- отсутствие жесткой связанности с текстом;
- возможность продолжать общение в любом моменте дискурса;
- возможность имитировать реальное общение, использовать нестандартные языковые явления в новых условиях и с новыми функциями;
- специализированность дискурса, связанная с конкретностью ситуаций общения.

Таким образом, возникает необходимость рассмотреть вопрос соотношения понятий «дискурс» и «текст». Данная необходимость объясняется тем, что любая образовательная модель для обучения определенному виду перевода, в нашем случае – военному, подразумевает отбор особого учебно-речевого материала, что невозможно осуществить, не имея четкого представления о данных понятиях.

В современной гуманитарной науке считается, что дискурс представляет собой в первую очередь устное речевое произведение, тогда как «текст» рассматривается как вербальная запись акта коммуникации и является элементом письменной речи. Соответственно, текст, рассматриваемый изолированно от контекста, может являться предметом только лингвистического анализа, тогда как дискурс подлежит рассмотрению не только в свете лингвистического анализа, но и в социолингвистическом аспекте. Поскольку любой дискурс подразумевает какую-то совместную деятельность, то он рассматривается как взаимный синтез контекста и текста, обладающий существенным коллективным значением для участников, при этом дискурс является процессом, в ходе которого порождается текст [4, 8, 9].

Тем не менее концепция уже упоминавшегося в данной работе ученого М.М. Бахтина о диалогизме человеческого мышления подразумевает, что текст и дискурс синтезированы в единое понятие. Он считает, что любое речевое произведение появляется как ответ на другое речевое произведение и, соответственно, любой письменный текст подразумевает какую-то реакцию или ответ.

По этой причине нецелесообразно проводить границу между источником сообщения (устного или письменного) и его реципиентом для описания процесса живой коммуникации, поскольку восприятие речи носит субъектно-субъектный характер и любой акт понимания подразумевает ответ или внутренний отклик [7, 10].

Согласно вышеупомянутой концепции, понятия «текст» и «дискурс» анализируются как «устный дискурс» и «письменный дискурс», каждый из которых подразделяется на подкатегории, имеющие собственные признаки и характеристики. Так, М. Грегори и С. Кэррол выделяют две подкатегории устного дискурса: подготовленный и спон-

танный (неподготовленный). Спонтанный дискурс находит отражение в произвольной неподготовленной монологической или диалогической речи, когда подготовленный дискурс может базироваться на тексте или нет. В большинстве случаев сфера возникновения подготовленного дискурса носит письменный характер, а его прагматика – изложение или прочтение [11].

Согласно Ю.Е. Прохорову, коммуникация состоит из трех компонентов: это окружающая действительность, т.е. в первую очередь физические и материальные условия, в которых происходит акт коммуникации, текст и дискурс. При этом текст рассматривается как лингвистическая и экстралингвистическая структура коммуникации с определенными правилами организации содержания, а дискурс – как совокупность вербальных форм для осуществления коммуникации [1]. Соответственно, текст и дискурс в коммуникативной лингвистике, наряду с окружающей их действительностью, являются неотъемлемыми компонентами процесса коммуникации как организованной и развивающейся системы.

Деллом Хаймсом проводится разделение между следующими компонентами коммуникативного процесса: источник, рецептор, форма сообщения, код, ситуация, канал связи, тема [12]. Алан Белл вводит понятие «коммуникативная ситуация», которая подразделяется на следующие элементы: окружающая обстановка, участники (отправитель и получатель), результат (эффект) коммуникации, в том числе и непредвиденный. Также существуют цели коммуникации, форма и содержания речевого произведения, стиль сообщения, использующиеся речевые формы, а также жанры и нормы поведения коммуникантов (к примеру, монолог командира части перед строем в сравнении с дискуссией в баре). Упомянутые нормы поведения играют очень важную роль в военной действительности и, соответственно, в военном дискурсе.

Современными исследователями обозначаются две основные разновидности дискурса: статусно ориентированный (институциональный) и лично ориентированный (персональный).

Лично ориентированный дискурс, как правило, реализуется в неформальном общении, в нем содержится большое количество невербальной информации. Так, В.И. Карасик выделяет две разновидности персонального дискурса – бытовой дискурс и бытийный дискурс, который в свою очередь может быть прямым и опосредованным [13].

Речевой портрет и языковая личность военнослужащего

Переходя от персонального дискурса, в сфере военного перевода, к статусно-институциональному, необходимо затронуть вопрос о концепции языкового портрета военнослужащего [10], которая непосред-

ственно связывает оба понятия. В конце XX в. ведущим принципом описания языкового материала стал принцип антропоцентризма, основанием для которого послужило стремление изучать язык в тесной связи с человеком. Ключевым понятием современной лингвистики становится «языковая личность», введенная в понятийный аппарат языкознания Ю.Н. Карауловым [14]. Согласно Н.В. Макшанцевой, языковая личность «реализует себя в познавательной и коммуникативной деятельности и предстает в различных ракурсах как мыслительная, смыслообразующая, языковая, речевая, коммуникативная, креативная» [15]. По мнению Т.Г. Винокур, антропоцентрическая ориентация современной лингвистики определяет ее пристальное внимание к языковой личности. При этом интерес представляют как усредненные характеристики носителя языка, так и речевое своеобразие отдельной личности [16]. Изучение языковой личности происходит на основе комплекса устных и письменных текстов, что требует учета речевых произведений, различных по своему статусу, при этом особый интерес представляет ненормированная, социально ограниченная речь, находящаяся за пределами литературного языка [13].

Особого рассмотрения требует понятие языковой личности переводчика, так как в коммуникации он выполняет специальные посреднические функции, что во многом обуславливает его характеристики. Во-первых, в процессе перевода неизменно возникает ситуация, когда исходный и переводной тексты не тождественны друг другу в плане кода коммуникации по причине опосредованности процесса коммуникации языковым сознанием переводчика. Во-вторых, в ситуациях профессионального общения языковой личности переводчика предъявляются особые требования по обеспечению адекватного перевода в отношении как общекультурных фоновых, так и профессиональных знаний: переводчик должен уметь максимально эффективно реализовывать собственные знания в процессе перевода, являясь носителем определенных когнитивных установок.

Как отмечает Т.Н. Гарнаева [17], языковая личность переводчика предполагает наличие следующих характеристик: мультилингвальность, поликультурность, социоцентричность, толерантность, элитарность, устойчивость установок и оценок, развитость и открытость системы экстралингвистических знаний, владение переводческой терминологией и тезаурусом переводоведческого дискурса, обладание переводческим мировоззрением. При экстраполяции данных характеристик на языковую личность **военного** переводчика представляется возможным дать обобщенное определение языковой личности военного переводчика, которая являет собой особый вариант национальной языковой личности, обладающей навыками и умениями по адекватному восприятию текста источника и соответствующей трансляции его стороне-

рецептору при следовании правилам и нормам военного институционального дискурса, передавая значение каждого термина и учитывая межкультурные различия участников коммуникации. Одним из важнейших требований к военному переводчику является владение военным институциональным дискурсом не только как набором языковых средств для его реализации, но также и владение его когнитивной составляющей, заключающейся в общности взглядов, понятий, идей и концептов у участников дискурса. Вслед за Л.П. Тарнаевой, мы также принимаем, что одной из «важнейших составляющих языковой личности переводчика является профессионально-ориентированный лингвокогнитивный тезаурус» [17].

В тесной связи с явлением языковой личности функционирует и концепция речевого портрета. В языкознании стало уже привычным использование этого термина в отношении определенной группы носителей языка [16]. Например, Л.П. Крысин отмечает, что сходство социально-речевых портретов ясно проявляется на материалах диалектологии, в частности, при сопоставлении наречий каких-либо конкретных деревень в пределах целого диалекта [18]. В нашей ситуации представляется возможным рассмотреть в этом же плане неформальную речь военнослужащих, различающихся по принадлежности к какому-либо виду вооруженных сил или роду войск. Другими словами, речевой портрет сержанта ракетных войск и артиллерии в неформальной обстановке общения будет различаться с речевым портретом старшины на ракетном крейсере. Данное различие обусловлено замкнутым характером воинских коллективов, где поддерживаются собственные ритуалы, традиции и специфика социолекта.

Идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 1960-х гг. М.В. Пановым и прекрасно выраженная им в ряде фонетических портретов известных деятелей XVIII–XX вв., имеет прямое отношение к разработке понятия «социально-речевой портрет» [19]. Фонетические портреты значимы не только как описания манеры речи и произношения отдельного человека, но они также несут в себе специфику конкретной социальной среды и культурную маркированность, из-за чего приобретают особую социально-культурную важность. Так, М.В. Панов, выбирая портретируемых, делал акцент на их различиях в межкультурном плане, т.е. их принадлежности к определенному социальному слою, поколению, наличие диалектных особенностей, характерных черт их культурной традиции и т.д. [19]. В данной работе по той же причине мы противопоставляем речевые портреты военнослужащих и гражданских людей.

Многие исследователи речевой деятельности вслед за М.В. Пановым обратились к идее речевого портрета. В частности, по причине постепенного угасания гендерной дискриминации в Вооруженных Силах

России и во всем мире в целом все большую актуальность приобретают работы Е.А. Земской в соавторстве с Н.Н. Розановой и М.В. Китайгородской, которые через дополнительную характеристику особенностей женской и мужской речи достигли более полного описания речевого портрета носителей языка [20, 21]. Гендерная лингвистика на период начала подобных исследований не пользовалась особым вниманием со стороны языковедческого сообщества. Различные направления лингвистики подвергали изучению язык и речевую деятельность в их зависимости от социальных, культурных и иных различий; при этом совершенно не учитывалось половое разделение индивидов [20]. Особенности речи, отмеченные авторами, носят только характер языковых тенденций, но никак не законов употребления. Те же авторы подчеркивают взаимосвязь гендерных аспектов с возрастными, профессиональными и социально-культурными.

Существенную роль в развитии языкового портрета современного военнослужащего играет и территориальный фактор. В данном случае стоит обратить внимание на исследования Н.Н. Розановой и М.В. Китайгородской о языковом портрете горожан, где на примере Москвы рассматривался типичный речевой портрет горожанина в обычных обстоятельствах [21]. По мнению данных авторов, в современной эпохе город – это преобладающая форма общественного существования в пространстве. В исследовании подчеркивается, что основным социологическим отличием города от деревни является отсутствие ситуации личного знакомства со всеми или большинством членов коллектива.

Данный фактор важен для составления речевого портрета военнослужащего в двух аспектах. Во-первых, значительное влияние на речевой портрет оказывает пространство проживания, и его смена влечет за собой изменения в речевом портрете, что ясно прослеживается на примере военнослужащих срочной службы-горожан, которые поступают в подразделение и сменяют относительно изолированное место жительства на казарму или боевой корабль, где сразу же происходит перераспределение используемых языковых средств, приобретение новых или утрата старых. Во-вторых, офицерский состав может несколько раз сменить место службы, и языковые особенности речи военнослужащих данных гарнизонов также влияют на их речевые портреты.

Достаточное количество новых сведений позволяет рассмотреть речевое поведение военнослужащего в различных ситуациях, формальных и неформальных, экстремальных и штатных. В целом общение между двумя военнослужащими структурно состоит из последовательности достаточно регламентированных микроситуаций, вербальный ответ на которые характеризуется преобладанием речевых формул и клише.

Речевое поведение военнослужащего может быть представлено в определенных типовых ситуациях – боевой подготовке и боевом дежурстве, несении суточного наряда, казарменном быту. В данных ситуациях можно выявить как примеры стратегий и тактик, которых придерживаются участники дискурса, так и речевые клише, применяемые участниками дискурса в конкретной микроситуации. Однако необходимо принимать во внимание тот факт, что коммуникативные стереотипы в военной среде имеют устойчивый характер, и изменения в социальной и экономической жизни общества оказывают на них слабое влияние.

Значительный интерес также вызывает межкультурный подход [22] к языковой личности военнослужащего, представленный коммуникативными ситуациями специфического характера, которые, тем не менее, можно обнаружить в жизни любого военнослужащего и которые обладают наиболее выраженной социокультурной составляющей. К данным микроситуациям можно отнести «Ночные учения», «Постановка задачи личному составу», «Боевое дежурство» и некоторые другие. В первую очередь необходимо отметить, что приведенные ситуации отличаются традиционной структурой и характером взаимодействия участников дискурса, что выражено в устойчивости многочисленных речевых клише и стереотипов поведения, иными словами, они передаются из поколения в поколения без внесения каких-либо изменений. Тем не менее серьезные социальные, исторические и экономические изменения, произошедшие за последнее время в мире, сказались, в том числе, даже на наиболее традиционных коммуникативных практиках. В связи с этим представляется должным уделять внимание динамике языкового существования на примере типовых ситуаций как в различные временные промежутки, так и в разнообразных условиях культуры и общества [21].

При изучении социально-речевого портрета офицера и военного переводчика, представляющего «военную интеллигенцию», в частности, необходимо обратиться к работам Л.П. Крысина, занимавшегося изучением речевого портрета интеллигенции в русском языке. Согласно его наблюдениям, лексические особенности речи различных социальных групп обладают в той или иной степени случайным характером в плане лексики и словоупотребления. Прежде всего, Л.П. Крысин обозначает наличие разногласий в интерпретации и соотносительности друг с другом терминов «интеллигент» и «интеллигенция». Автором был выделен ряд признаков, которые служат для выделения интеллигенции как конкретного социального слоя русского общества на современном его этапе. К данным признакам относятся гуманитарный или технический характер образования, территориальная принадлежность и возраст. Перечисленные особенности можно рассматривать как базу рече-

вого портрета военнослужащего офицерского состава. Богатый словарный запас, равно как и способность правильно его применять, представляют собой отличительную черту гуманитарной интеллигенции, к представителям которой можно отнести военных переводчиков как офицеров с гуманитарным образованием [18]. Речевой портрет подразделяется на два главных аспекта. Первый объединяет особенности набора языковых единиц преимущественно фонетического и лексико-семантического характера, второй – особенности, отличающие речевое поведение представителей той или иной социальной группы [18]. Наиболее значительно данный фактор проявляется в Вооруженных Силах Великобритании: понимание речи военнослужащих сержантского и солдатского состава может представлять для военного переводчика значительные трудности, в то время как речевые произведения офицеров воспринимаются значительно легче и в целом более грамотные. Причина подобной дифференциации кроется в образовании военнослужащего.

Иными словами, одним из требований, предъявляемых к офицерскому составу, является наличие высшего образования, что оказывает положительное влияние на качественный уровень лексического содержания персонально ориентированного дискурса офицера. Таким образом, наличие богатого словарного запаса и умения с ним обращаться, и, что не менее важно, знание норм и правил грамматики и лексики родного и изучаемого языка представляются одной из ключевых частей речевого портрета специалистов данного профиля.

Важно отметить, что речевое поведение военнослужащих офицерского состава характеризуется конкретной особенностью речевого поведения интеллигентных носителей языка, а именно их способностью применять в ходе коммуникации различные варианты языка, необходимые в тех или иных коммуникативных условиях. В квалификацию военного переводчика должно входить умение мгновенно переходить как с родного языка на иностранный, так и наоборот. Данная дисгlossность (или же полигlossность) является отличительной чертой интеллигенции, не свойственной моногlossным носителям просторечных языковых форм, не способным подстраивать свою речь под условия конкретной коммуникативной ситуации.

Необходимо подчеркнуть, что социально-профессиональная среда откладывает отпечаток на персональный и институциональный дискурс соответствующей социальной группы. Таким образом, можно сделать вывод, что речевой портрет военнослужащего определяется рядом социальных и ситуативных факторов, важнейшими среди которых являются образование, возраст, пол говорящего, условия общения и сфера деятельности [23].

Попытки создания речевых портретов носителей языка характерны для различных сфер коммуникации. По мнению Е.В. Осетровой, создание речевого портрета личности является перспективным, поскольку он позволил бы объективнее рассматривать речевые характеристики социальной группы, к которой принадлежит человек. Одновременно с этим такой подход позволил бы выработать систему практических рекомендаций с тем, чтобы совершенствовать речевые навыки каждого конкретного члена общества [24–26].

Характеристики военного институционального дискурса в контексте формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции

Из вышесказанного следует, что из различных взглядов на обучение военных переводчиков наибольший интерес представляет концепция о формировании соответствующей речевому портрету офицера языковой личности. Главную роль в становлении языковой личности играет институциональный дискурс, который являет собой коммуникацию внутри определенных общественных институтов, причем данная коммуникация достаточно жестко определяется статусом коммуникантов и их ролью в данных институтах. Институциональный дискурс регламентирован при помощи определенной структуры социальных отношений, все акты коммуникации и речевые произведения имеют четкую цель и прикладную направленность на решение отдельных проблем и моделируются социальной интеракцией людей, осуществляющих определенную совместную деятельность.

Институциональный дискурс характеризуется предельным количеством ограничений речи, малой контекстообусловленностью, генеральными целями, строгой структурой, главенством глобальной организации. Как правило, этот вид дискурса стремится к полноте описания, он в большинстве случаев монологичен, максимально наполнен смыслами и обладает стандартизованностью языковых средств [4, 13, 27–29].

Необходимо также отметить, что, несмотря на описанное разделение дискурса на институциональный и персональный, граница между ними в некоторых случаях достаточно условна. Так, В.И. Карасиком подчеркивается сложный и многослойный структурный характер любого общения, что объясняет как наличие статусно ориентированных элементов в личностно ориентированном дискурсе, так и обратную ситуацию. Соответственно, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что институциональный дискурс содержит в себе определенное сочетание статусно ориентированных и личностных компонентов, изменение баланса между которыми влияет на его характеристики. В категории институционального дискурса В.И. Карасик выделяет сле-

дующие типы дискурса: политический, административный, **военный**, религиозный, медицинский, рекламный, научный, информационно-массовый, дипломатический, юридический, педагогический, мистический, деловой, спортивный и сценический [30]. Отсюда он делает вывод, что в институциональном дискурсе используются закрепленные в языке формы речевого взаимодействия для общения между людьми, зачастую лично между собой незнакомыми, но взаимодействующими в рамках определенного общественного института.

Множество элементов институционального дискурса достаточно нетривиальны, если рассматривать их в свете бытовой или бытийной коммуникации, особенно в случае военного дискурса. В нем практически все действия коммуникантов определяются некоторыми контекстными рамками, достаточно жестко регламентированными требованиями устава, подчиненностью коммуникантов относительно друг друга, условиями обстановки и т.д. Для обывателя формулировки, жесты, ритуалы и определенный речевой код, составляющие неотъемлемую часть военного дискурса, иногда кажутся совершенной бессмыслицей, тогда как военнослужащие, действующие в рамках единого информационного поля, без них не представляют коммуникацию, особенно в контексте военной действительности.

Контекстная зависимость является краеугольной характеристикой военного дискурса как субкатегории институционального дискурса. По определению, данному А.В. Улановым, военный дискурс представляет собой особый тип речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как:

- а) соотнесенность с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы;
- б) специфической военной хронотопностью;
- в) интенциональностью;
- г) целостностью используемых речевых элементов;
- д) связностью; военно-фактологической информативностью;
- е) процессуальностью;
- ж) интертекстуальностью;
- з) авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников;
- и) антропоцентричностью военной картины мира;
- к) способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа [31].

Военный дискурс – это строго стандартизированный процесс порождения речи, присущий институту вооруженных сил, соотносимый с ним и реализующийся в сумме всех коммуникативных актов военнослужащих и гражданских кадров оборонного ведомства в синтезе с интра- и экстралингвистическими факторами, оказывающими постоянное

влияние на развитие и формирование военного дискурса, а также его перцепцию в пределах соответствующего социального института [32].

Ученые-языковеды по-разному характеризуют военный или милитарный дискурс, и большая часть характеристик так или иначе соотносена с армейской культурой, поскольку, взаимосвязь и взаимозависимость языка и культуры очевидна: язык является мощным орудием идеологической пропаганды, культурной политики, социальных изменений. В то же время наличие идеологии модифицирует язык, провоцирует появление большого количества неологизмов [27]. Во-первых, он обладает межвременным актуальным характером: речь военнослужащих существовала на всем протяжении истории и на каждом определенном этапе исторического развития она обладала колоритом эпохи. Во-вторых, семантика данного дискурса обладает эксплицитной маскулинностью, так как одними из проявлений мужественности являлись армейская служба и участие в боевых действиях. В-третьих, милитарный дискурс тесно связан со смежными видами дискурса, как то: военно-патриотический, военно-политический, а также с теми видами дискурса, с которыми он связан на языковом уровне через метафоризацию, как, например, со спортивным дискурсом [32].

За военным дискурсом закреплен статус институционального, что определяется его общественной функцией. Данное утверждение не оспаривается большинством исследователей. Главной характерной чертой любого институционального дискурса является его особый функционал, связанный с обеспечением профессиональной коммуникации конкретного социального института, в данном случае – вооруженных сил и других военизированных организаций. Так, Р.Т. Белл считает, что общественный институт представляет собой властную инстанцию, которая управляет иерархией статусных ролей, осуществляет статусно-ролевое позиционирование основных субъектов социального института [33]. В свою очередь И.Т. Вепрева отмечает, что общественный институт внешне представляет собой совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию [34]. Согласно многим современным ученым-языковедам (М.Ю. Олешков, Р. Водак, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, О.Л. Михалева, В.И. Карасик и др.), коммуникация в пределах любого социального института обладает статусной направленностью и служит, чтобы «закрепить отношения власти» [30]. Отличия военного дискурса от других видов определяются экстралингвистическими факторами контекста общения и состоят в следующем.

Во-первых, общетиповыми коммуникантами являются «командир и подчиненный» или «вышестоящий и нижестоящий», т.е. данный тип дискурса является средством выражения иерархических отношений. Во-вторых, целью воспроизводства дискурса является организация

деятельности, гарантирующей защищенность государства и его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз. В-третьих, идеалы и ценности видятся в верности присяге и долгу, в достижении высокого уровня полевой выучки, боевого мастерства и т.д. В-четвертых, хронотопически он определяется любым единством времени и места, в которых выполняются учебно-практические или реальные боевые действия, направленные на защиту государства и его интересов. Будучи институциональным, военный дискурс включает в себя характерные только для него жанры, дискурсивные формулы, стратегии и прецедентные тексты.

Предметом научных споров по-прежнему является структура военного дискурса. В большинстве случаев положение о ядре военного дискурса остается бесспорным, и за него принимается статусно ориентированный профессиональный дискурс. Тем не менее институциональный дискурс предполагает и наличие личностно ориентированной коммуникации, тесно сплетенной со статусно ориентированной. Это подводит многих специалистов к обсуждению значения личностного аспекта в милитарном институциональном дискурсе и дискурсивного положения материалов военно-научного, военно-политического, военно-научного характера, высказываний политиков и военных относительно войны, военно-художественной литературы и публицистики.

Согласно мнению Б.М. Галиева, военный дискурс представляет собой «дискурс о войне как в традиционной, так и в современной ее формах» [35. С. 216]. В данном исследовании предлагается иная точка зрения, рассматривающая трактовку Галиева как чрезмерно широкую, поскольку она предполагает включение в военный дискурс размышления о военной службе и войне непрофессиональных лиц, которые не знакомы с ней. Данный факт представляется нам как не соответствующий статусу институционального дискурса.

В работах Т.С. Юсуповой военный дискурс подразделяется на дискурс формальный и неформальный. Любые материалы художественной литературы и публицистики, посвященные военной тематике, занимают промежуточное положение между формальным и неформальным военным дискурсом [36]. Действительно, нельзя не согласиться, что художественные и публицистические произведения военной тематики являются компонентом военного дискурса в широком его понимании.

В составе военного дискурса мы выделяем «военные материалы», представленные в широком смысле военно-политическими, военно-художественными, военно-техническими, военно-научными, военно-публицистическими текстами и различной документацией военного делопроизводства, составляющей акты военного управления. В более узком смысле «собственно военные материалы» представлены актами

управления и научно-техническими материалами, имеющими непосредственное отношение к жизни и деятельности войск и военных учреждений. Именно данные материалы составляют формальную часть военного дискурса. В свою очередь, неформальная часть дискурса представлена армейским сленгом и военным анекдотом, иными словами, элементами непосредственной неформальной коммуникации в военной среде [36].

У составляющих формальный военный дискурс военных документов и материалов военно-технического характера наблюдается ряд единых лексических особенностей. Так, можно отметить частое применение военной терминологии, претерпевающей непрерывные изменения, связанные с прекращением употребления определенных слов, изменением их значения и появлением новых терминов. Причиной данных процессов является изменение структуры вооруженных сил, появление новых методов ведения войны и образцов вооружения и военной техники. Кроме того, военно-технические материалы и военные документы отличаются широким употреблением сокращений, условных знаков и индексных обозначений. Они необходимы для обозначения образцов вооружения и военной техники.

При обучении студентов (курсантов) иноязычному военному институциональному дискурсу необходимо учитывать собственно языковой и когнитивный аспекты, что отражено в лингвокогнитивном подходе к обучению дискурсу. Данный подход подчеркивает, что эффективность профессиональной коммуникации обусловлена не только выбором языковых средств, но и когнитивной составляющей, т.е. совпадением содержания языковых единиц и общностью знаний об окружающем мире в виде концептов у источника и рецептора. Процесс понимания является, по существу, процессом смыслообразования, иными словами, понимание как функция сознания есть смыслопорождающий акт.

Фокусом внимания данной работы является обучение профессиональному дискурсу специалистов в области лингвистического обеспечения военной деятельности, чья профессиональная деятельность и коммуникация непосредственно связаны со всеми составляющими военной службы и спецификой профессии военного переводчика. Таким образом, обучение должно быть ориентировано на формирование и развитие военного профессионального иноязычного дискурса с упором на военные знания, специфику военных текстов и репрезентацию военных реалий. Содержание данного вида институционального дискурса можно определить как процесс лингвокогнитивной деятельности, в результате которого порождаются речевые произведения, обладающие прагматикой передачи и создания военных знаний и реалий согласно комплексу исторически сложившихся нормативных правил институциональной коммуникации [13].

Военный институциональный дискурс характеризуется высокой степенью конкретики и информационной насыщенностью, которая раскрывается только при следовании закрепленным за институтом нормам ведения профессиональной коммуникации. В данной ситуации особую важность приобретает когнитивный аспект, заключающийся в наличии у будущих специалистов пресуппозитивных навыков порождения речи, другими словами, навыков организации и представления необходимой информации согласно правилам, принятым в данном институте. Значимой стороной такого обучения также является формирование навыков и умений оперировать терминами и понятиями, используемых в военной науке, поскольку военная лексика лежит в основе явления военного дискурса, и владение ей является одной из наиглавнейших компетенций военного лингвиста, необходимых для осуществления эффективной коммуникации в рамках профессиональной деятельности и ситуационного контекста [37, 38].

Таким образом, при обучении профессиональному военному дискурсу, коммуникация между преподавателем и студентами должна проходить в институционально ориентированном контексте, в условиях, максимально воссоздающих реалии военной деятельности. В данной ситуации основной задачей является создание особой методики обучения, в которой согласно целям профессионального образования студенты будут успешно овладевать иностранным языком для эффективного ведения профессиональной иноязычной коммуникации [39], а обучение военному дискурсу будет представлено как процесс развития у обучающихся языковых и когнитивных аспектов профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика, позволяющей эффективно решать профессиональные задачи [1].

Успешная реализация обучающимся всех вышеперечисленных аспектов овладения военным дискурсом будет составлять **профессиональную иноязычную коммуникативную компетенцию военного переводчика**, что является одной из важнейших составляющей компетентности специалиста в области лингвистического обеспечения военной деятельности. Необходимо также отметить, что формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика требует постановки акцента не на логику организации учебного материала, а на логику модуса действий самих студентов (курсантов), что по сравнению с традиционной методикой обучения обеспечивает более высокую мотивированность обучающихся и более глубокое погружение в изучаемую дискурсивную среду. Эффективность данной методики обусловлена высокой степенью участия обучающихся в образовательном процессе и бóльшим упором на задействование когнитивных процессов реализации дискурса, что представляет особую важность, поскольку именно навыки организации и трансляции

в процессе порождения речи военных знаний и реалий являются показателем овладения профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военным переводчиком.

Заключение

Таким образом, военный дискурс представляет собой один из наиболее характерных типов институционального дискурса, обладающий основными свойствами формализованности, институциональности и ритуальности. В структуре военного дискурса можно обозначить понятия формального и неформального дискурса с текстовой основой в виде военных материалов. Владение военным дискурсом является главной составной частью профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика, и, следовательно, компетентности специалиста в области лингвистического обеспечения военной деятельности. Соответственно, основной упор при обучении военных лингвистов должен ставиться на формировании у них профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика в качестве основной при выполнении профессиональной деятельности. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика предполагает использование особых методов обучения, при которых у студента (курсанта) вырабатываются лингвистические и когнитивные составляющие, позволяющие реализовать военный дискурс.

Несмотря на то, что особый акцент делается на когнитивном аспекте как самом трудном при обучении, поскольку он включает в себя фоновые знания и экстралингвистические составляющие, основой порождения военного дискурса является военная терминсистема. Также обучение военному дискурсу носит довольно субъективный и индивидуальный характер, что обусловлено как самим характером содержания обучения, так и стратегиями обучающегося при овладении дискурсом. Данный фактор актуализирует необходимость выведения речевого портрета военнослужащего в целях лучшего понимания процессов, стоящих за формированием профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика, и, следовательно, усовершенствования методических техник преподавания, а также построения на его основе результатов обучения иноязычному военному дискурсу.

Таким образом, результаты данной работы могут быть использованы при разработке различных методик обучения военных переводчиков на военных кафедрах и в военных учебных центрах на базе гражданских вузов, подготовке специалистов в военных высших учебных заведениях и преподавании иностранных языков в условиях учебных заведений с военным уклоном или имеющих программу военной подготовки.

Литература

1. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М. : Флинта : Наука, 2006. 224 с.
2. Dijk T.A. Handbook of Discourse Analysis: Discourse analysis in society. Academic Press, 1985. V. 4(a). 228 p.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 116–133.
6. Основы теории коммуникации : учебник / под ред. М.А. Василика. М. : Гардарики, 2006. 615 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
8. *Discourse in Action* / ed. by Sigrid Norris and Rodney H. Jones. London ; New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2005. 226 p.
9. Hatch E. *Discourse and Language Education*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 327 p.
10. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2.
11. Gregory M., Carroll S. *Language and Situation: Language Varieties and Their Social Contexts*. Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 113.
12. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7.
13. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. Волгоград : Перемена, 1998. С. 185–196.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
15. Макишаницева Н.В. Формирование языковой личности будущего специалиста-лингвиста в высшей школе на основе концептуального подхода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. № 1. С. 43–46.
16. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук / ред. И.Т. Фролов. М. : Наука, 1989. С. 361–369.
17. Тарнаева Л.П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект). СПб. : Книжный дом, 2017. 134 с.
18. Крысин Л.П. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М. : Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
19. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / отв. ред. Д.Н. Шмелёв. М. : Наука, 1990. 453 с.
20. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
21. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М. : Языки славянских культур, 2010. 496 с.
22. Щепилова А.В. Тактика реализации межкультурного подхода: цели, документы, практика // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой междунар. конф. / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Видуловой. М. : Языки Народов Мира, 2016. С. 604–611.
23. Милехина Т.А. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М. : Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
24. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О.Б. Сирогининой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.

25. *Поршневa Е.Р., Зиновьева И.Ю.* Подготовка профессиональных переводчиков в свете нового государственного стандарта // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 63–69.
26. *Стилистика* текста : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.М. Бухарова. Н. Новгород : Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2007. 100 с.
27. *Карасик В.В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 389 с.
28. *Леонтьев А.А.* Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 367 с.
29. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 324 с.
30. *Карасик В.И.* Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 17–34.
31. *Уланов А.В.* К вопросу об экстралингвистическом фоне русского военного дискурса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 2 (10). С. 248–255.
32. *Сдобнова Ю.Н.* Некоторые дискурсивные особенности современной военной терминосистемы вооруженных сил Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 10 (696). С. 195–209.
33. *Белл Р.Т.* Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М. : Междунар. отношения, 1980. 318 с.
34. *Вепрева И.Т.* Метаязыковые стратегии в стилистически неоднородных текстах современных СМИ // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры : сб. науч. Ст. / под ред. О.С. Иссерс. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. Вып. 1. 199 с.
35. *Галиев Б.М.* Общение в военном дискурсе // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение : тр. и материалы междунар. науч. конф. Казань : Казан. гос. ун-т, 2007. Т. 1. С. 216.
36. *Юсупова Т.С.* Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4 (4). С. 1055–1058.
37. *Шевченко М.А., Игнатов А.А., Гураль С.К.* Роль профессионального подязыка в обучении военному переводу // Язык и культура. 2015. № 4 (32). С. 164–172.
38. *Mitchell L.A., Vozdvizhenskiy V.V., Mitchell P.J.* The role of actual situational contexts in the interpretation of situation-bound utterances // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 200. С. 313–317.
39. *Mitchell P.J., Pardinho L.A., Yermakova-Aguiar N.N., Meshkov L.V.* Language Learning and Intercultural Communicative Competence: An Action Research Case Study of Learners of Portuguese // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 200. С. 307–312.

Сведения об авторах:

Шевченко Михаил Александрович – подполковник, кандидат педагогических наук, начальник учебной части – заместитель начальника кафедры военного учебного центра, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: sheffcomms@mail.ru

Загайнов Сергей Сергеевич – лейтенант, преподаватель военного учебного центра, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: 48zegess15@gmail.com

Митчелл Петр Джонович – доктор педагогики, заведующий кафедрой перевода и языковых коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Поступила в редакцию 2 мая 2020 г.

TEACHING FOREIGN LANGUAGE MILITARY DISCOURSE

Shevchenko M.A., Ph.D. (Philology), Head of Educational Department and Deputy Head of Department of Military Training Center, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sheffcomms@mail.ru

Zagainov S.S., Lecturer, Military Training Center, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: 48zegess15@gmail.com

Mitchell P.J., Doctor of Education, Head of the Department of Translation and Language Communication, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: peter_mitchell@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/51/14

Abstract. This article examines the role of military discourse in foreign language education. The issue of the necessity to create a special technique of preparing military interpreters at civilian higher education institutions is raised. Different approaches to defining discourse are examined and compared. The issue of correlation between the notions of "discourse" and "text" is examined and the characteristics and interrelation of these notions are established. A definition of the linguistic persona of a military interpreter is introduced, and the relationship and characteristics of the speech portrait and linguistic persona of a military interpreter are studied in order to better understand the processes behind the formation of the professional foreign-language communication competence of a military interpreter and, consequently, to improve teaching techniques. The central role of institutional discourse in the development of the linguistic persona of the military interpreter is being substantiated. The characteristics of military institutional discourse in the context of forming professional foreign-language communication competence are examined. The conclusion is made that military institutional discourse is one of the most distinctive types of institutional discourse, with all the basic properties of formalism, institutionality and rituality. It is argued that the process of training military interpreters should focus on the development of the professional foreign-language communication competence of the military interpreter as the main one in the performance of professional duties. At the same time, it is noted that the emphasis should be placed not on the logic of organizing the educational material, but on the logic of the *modus operandi* of the students themselves in order to increase their motivation and ensure deeper immersion in the discursive environment studied. Thus, the successful acquisition by students of all aspects of military discourse will form the professional foreign-language communication competence of the military interpreter, which is one of the most important factors ensuring the competency of a specialist in the language support of military activities.

Keywords: military interpreting; institutional military discourse; speech portrait; linguistic persona; competence approach; professional foreign-language communication competence.

References

1. Prohorov YU.E. *Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs.* M., Flinta; Nauka. 2004. 224 s. izd. 2 M., Flinta: Nauka, 2006. 224 s.
2. Dijk T.A. *Handbook of Discourse Analysis: Discourse analysis in society.* Academic Press, 1985. V. 4(a). 228 p.
3. Arutyunova N. D. *Diskurs // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'.* M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 136-137.
4. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa.* M.: ITD GK «Gnozis», 2003. 280 s.
5. Dem'yanov, V.Z. *Interpretaciya politicheskogo diskursa v SMI // YAzyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya [Tekst] / V.Z. Dem'yanov* M.: Izd-vo MGU, 2001. S. 116-133.
6. *Osnovy teorii kommunikacii : uchebnik / pod red. M. A. Vasilika.* M. : Gardariki, 2006. 615 s.

7. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979, 424 s.8. Discourse in Action / Edited by Sigrid Norris and Rodney H. Jones. Routledge. Taylor and Francis Group, London and New York, 2005. 226 pp.
9. Hatch E. Discourse and Language Education / E. Hatch. Cambridge University Press, 2000. 327 pp.
10. Nikolaeva T.M. «Sociolingvističeskij portret» i metody ego opisaniya / T.M. Nikolaeva // Russkij yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Doklady Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii. CHast' 2. M., 1991.
11. Gregory M. Language and Situation: Language Varieties and Their Social Contexts / Gregory M., Carroll S. Routledge and Kegan Paul, 1978. Pp. 113.
12. Hajms D.H. Etnografija rechi // Novoe v lingvistike. M., 1975. Vyp. 7.
13. Karasik V.I. O kategoriyah diskursa // YAzykovaya lichnost': sociolingvističeskij i emotivnyj aspekt. Volgograd: Peremena, 1998. P. 185–196.
14. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. 261 s.
15. Makshanceva N.V. Formirovanie yazykovoj lichnosti budushchego specialista-lingvista v vysshej shkole na osnove konceptual'nogo podhoda // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. 2010. № 1. P. 43–46.
16. Vinokur T.G. Rechevoj portret sovremennogo cheloveka // CHElovek v sisteme nauk / Red. I.T. Frolov. M.: Nauka, 1989. P. 361–369.
17. Tarnaeva L.P. Perevod v sfere delovogo obshcheniya: dialog yazykov i kul'tur (lingvodidaktičeskij aspekt) / L.P. Tarnaeva. SPb.: Knizhnyj dom, 2017. 134 s.
18. Krysin L.P. Sovremennyy russkij yazyk: Social'naya i funkcional'naya differenciaciya / Ros. akademiya nauk. In–t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 568 s., vklejka posle s. 192.
19. Panov M. V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv. / Otv. red. D. N. SHmelev; AN SSSR: In–t rus. yaz. M.: Nauka, 1990. 453 s.
20. Zemskaya E.A. YAzyk kak deyatelnost': Morfema. Slovo. Rech'. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 688 s.
21. Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. YAzykoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale yazyka Moskvy. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2010. 496 s.
22. SHCHepilova A.V. Taktika realizacii mezhekul'turnogo podhoda: celi, dokumenty, praktika // Dialog kul'tur. kul'tura dialoga: v poiskah peredovyh sociogumanitarnyh praktik. Materialy Pervoj mezhdunarodnoj konferencii. Pod obshchej redakciej E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "YAzyki Narodov Mira", 2016. P. 604–611.
23. Milyohina T.A. Sovremennyy russkij yazyk: Social'naya i funkcional'naya differenciaciya / Ros. akademiya nauk. In–t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 568 s., vklejka posle s. 192.
24. Parshina O.N. Rossijskaya političeskaya rech': Teoriya i praktika / O.N. Parshina pod red. O.B. Sirotininoj. Izd. 2–e, ispr. i dop. M.: Izd–vo LKI, 2007. 232 s.
25. Porshneva E.R., Zinov'eva I.YU. Podgotovka professional'nyh perevodchikov v svete novogo gosudarstvennogo standarta // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2011. №3. S. 63–69.
26. Stilistika teksta: mezhevuzovskij sb. nauch. tr / pod red. V.M. Buharova. N. Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvističeskij universitet im. N.A. Dobrolyubova, 2007. 100 s.
27. Karasik V.V. YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs / V. I. Karasik. M.: GNOZIS, 2004. 389 s.
28. Leont'ev A.A. Osnovy teorii rechevoj deyatelnosti / A.A. Leont'ev. M.: Nauka, 1974. 367 s.
29. SHEjgal E. I. Semiotika političeskogo diskursa / E. I. SHEjgal. M.: Gnozis, 2004. 324 s.
30. Karasik V.I. Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoj lingvistiki // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoy lingvistiki. 2016 g. № 1 (21). P. 17–34.

31. Ulanov A.V. K voprosu ob ekstralingvisticheskom fone russkogo voennogo diskursa // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. Omsk: 2014 g. № 2 (10). P. 248–255.
32. Sdobnova YU.N. Nekotorye diskursivnye osobennosti sovremennoj voennoj terminosistemy vooruzhennyh sil Francii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. M.: 2014. № 10 (696). P.195–209.
33. Bell R.T. Sociolingvistika. Celi, metody i problemy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 318 c.
34. Vepreva I.T. Metazykovye strategii v stilisticheski neodnorodnyh tekstah sovremennyh SMI // Sovremennaya rechevaya kommunikaciya: strategii i zhanry: sbornik nauchnyh statej / pod red. O.S. Issers. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2009. Vyp. 1. 199 p.
35. Galiev B. M., Obshchenie v voennom diskurse / B. M. Galiev // V. A. Bogorodickij: nauch. nasledie i sovr. yazykovedenie : tr. i mat. mezhdunar. nauch. konf. Kazan' : Kazan, gos. un-t, 2007. T. 1. S. 216.
36. YUsupova T. S. Strukturnye osobennosti voennogo diskursa // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2009. № 4 (4). P. 1055–1058.
37. SHevchenko M.A., Ignatov A.A., Gural' S.K. Rol' professional'nogo pod"yazyka v obuchenii voennomu perevodu // YAzyk i kul'tura. 2015. №4 (32). P. 164–172.
38. Mitchell L.A., Vozdvizhenskiy V.V., Mitchell P.J. The role of actual situational contexts in the interpretation of situation-bound utterances // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. T. 200. P. 313–317.
39. Mitchell, P.J., Pardino, L.A., Yermakova-Aguiar, N.N. and Meshkov, L.V. Language Learning and Intercultural Communicative Competence: An Action Research Case Study of Learners of Portuguese // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. T. 200. P. 307–312.

Received 2 May 2020